

Рея Бёрн

Сорвать маску

«Литнет»

2026

Бёрн Р.

Сорвать маску / Р. Бёрн — «Литнет», 2026

Я приходила туда читать Плат, а теперь уйду с дрожащими коленями. Мой ночной незнакомец прячет лицо за тонированным пластиком шлема, но его руки на моем теле знают меня лучше, чем я сама. Наша связь — это тайна, зависимость, абсолютная и пугающая. Но днем я должна быть собранной лингвисткой. И в эту расписанную реальность бесцеремонно врывается он — парень в оранжевом рабочем комбинезоне. Влажные кудри, ямочки на щеках и дерзость, бьющая наотмашь. Один — голос во тьме, другой — обжигающий дневной свет. Я хочу их обоих. И это желание сведет меня с ума еще до того, как мне придется сделать выбор.

© Бёрн Р., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Лиза	5
Глава 2. Алексей	9
Глава 3. Лиза	12
Глава 4. Алексей	15
Глава 5. Лиза	18
Глава 6. Алексей	22
Глава 7. Лиза	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Глава 1. Лиза

Есть такое время ночи, когда город наконец затыкается. Не весь, конечно: в соседнем дворе воеет сигнализация, хлопает дверь подъезда, но верхний слой шума стирается, и остаётся низкий ровный гул, от которого почти уютно. Я люблю это время. Одиннадцать с лишним, ближе к полуночи, когда сидеть на лавке под фонарём с книгой уже не странность, а единственно правильное занятие.

Лавка у круглосуточного ларька на углу Чернышевского и Пятой Парковой считается моим секретным местом, о котором знает весь район. Продавец Гиви давно не спрашивает, буду ли я покупать. Не буду. Мне нужны только фонарь над головой и два-три часа тишины, в которой Сильвия Плат звучит не как программа по зарубежной литературе, а как разговор.

Сегодня не читается. Я перечитываю один абзац третий раз, и слова скользят мимо, не цепляясь ни за одну мысль, потому что мысли заняты незаконченной главой диссертации и маминым голосом из утреннего созвона. «Лиза, тебе двадцать два, а у тебя ни нормальной работы, ни нормального мужчины, только книжки на уме».

Я опускаю книгу на колени и смотрю на ларёк. Гиви внутри листает ленту в телефоне, подсвеченный голубым экраном и лампой дневного света, от которой все выглядят покойниками. За стеклом ровными рядами стоят бутылки с водой, и я принимаюсь их считать, чтобы занять голову хоть чем-нибудь, когда правее, на дороге, вспыхивает свет.

Сначала я слышу мотоцикл: низкий рык, который отдаётся в грудной клетке, потом луч фары пробегает по асфальту и гаснет. У ларька останавливается чёрный обтекаемый спортивный байк. Марку опознать даже не пытаюсь: в мотоциклах, впрочем, как и в автомобилях, не понимаю ровным счётом ничего.

Парень, который с него слезает, двигается так, будто вокруг ни одного наблюдателя. Технически их и нет, есть только я, и я наблюдаю из-за книги, которую подняла обратно к лицу до стыдного быстро.

Он не снимает шлем. Чёрный, матовый, с тонированным визором. Разве ночью видно за таким хоть что-нибудь? Кожаная куртка явно живёт на нём, а не висит в шкафу для красоты. Перчатки он тоже оставляет на руках, подходит к окошку и стучит по стеклу, и Гиви поднимает голову.

— Воду. Холодную. Самую холодную, какая есть.

Голос глухой из-за шлема, но слышно хорошо: ночь тихая, расстояние между ларьком и лавкой смешное. Низкий, чуть хриловатый голос, и я ловлю себя на том, что задерживаю дыхание, как будто он может меня услышать. Глупость. Выдыхаю.

Гиви бурчит в ответ, звякает дверца холодильника. Парень берёт бутылку и разворачивается ко мне спиной, и я вижу только куртку и широкие плечи. Он приподнимает лицевую часть шлема вместе с визором, и вода булькает в горлышке, но лица не видно, ни кусочка, только затылок и чёрный матовый пластик. Челюсть шлема опускается обратно, он закручивает крышку.

А потом он оборачивается, и до меня доходит, что всё это время я смотрела ему в спину, не мигая, как полная дура.

Визор направлен в мою сторону. Глаз я не вижу, лица не вижу, и с полной уверенностью сказать, смотрит ли он на меня, или просто в моем направлении, я не могу. Но ощущение, будто всё же на меня.

Спина сама выпрямляется, и я зачем-то поправляю закладку.

А потом он идёт ко мне.

Пока он идёт, неспешно, с ленивой уверенностью в каждом шаге, я успеваю запаниковать и сделать лицо, которое, надеюсь, читается как «мне совершенно всё равно, что ты идёшь ко мне».

Он останавливается в двух шагах от лавки и крутит бутылку между пальцами в перчатке, машинально, и я смотрю на его руку, а не на визор, потому что на руку смотреть безопаснее.

— Сильвия Плат. — Он кивает на книгу. Голос глухой, но по интонации ясно, что ответа он не ждёт. — В полночь. На лавочке. У ларька.

Я поднимаю бровь. По крайней мере, надеюсь, что одну, а не обе, потому что иногда у меня не получается.

— И?

— И ничего. Просто... Красиво. Поэтично, я бы даже сказал.

Нормальная я должна промолчать или сказать «спасибо» и вернуться к книге. Но другая я, та, которая просыпается ближе к полуночи и принимает сомнительные решения, спрашивает:

— Это у парней в шлемах подкаты такие?

Он смеётся, коротко и негромко, звук гаснет внутри шлема, но я успеваю его поймать. Смех тёплый, и это меня раздражает: я хватаюсь за то небольшое, по чему можно сделать выводы о человеке, и пока выводы мне нравятся.

— Если бы я подкатывал, ты бы это почувствовала.

— Я чувствую, что ко мне подошёл незнакомый мужчина в шлеме посреди ночи. Это чувство ближе к тревоге, чем к романтике.

— Справедливо. — Он отступает на полшага, без обиды, скорее признавая границу. — Могу отойти на три метра. Или на пять. Или вон до того дерева. Но оттуда мне придётся кричать, а это, на секундочку, спальный район.

Уголок губ дёргается. Нет уж, улыбаться я не буду.

— О чём кричать-то?

— О Сильвии Плат, видимо. — Он пожимает плечами. — «Умирать — это искусство, как и всё остальное. Я делаю это исключительно хорошо». Тебе ведь нравится именно это?

Я моргаю. Удивляться, что человек способен процитировать Плат, наверное, не стоит. Люди читают. Даже люди, которые трутся в мотоциклетных шлемах посреди ночи у ларька. Но он произнёс строчку ровно, без нажима, будто бы даже не пытаюсь произвести впечатление, и от этого я захлопываю книгу и смотрю на него прямо. На непроницаемый чёрный визор, за которым может быть кто угодно.

— «Леди Лазарь», — отвечаю. — Откуда ты знаешь Плат?

— Откуда все знают. Читал.

— Люди, которые «просто читали», не цитируют по памяти.

— А люди, которые читают Плат ночью под фонарём, обычно не хотят, чтобы их отвлекали. И тем не менее я всё ещё здесь, а ты всё ещё не послала меня обратно к байку.

Он прав, не прогнала. Больше того, я закрыла книгу и сию, развернувшись к нему, и мне даже в голову не пришло развернуться обратно.

— Может, я просто вежливая.

— Может. А может, тебе скучно и ты рада, что кто-то умеет произносить имя «Плат» без рассеянной паузы перед ним.

Я фыркаю. Тихо, но он слышит, потому что визор чуть наклоняется, и я готова спорить, что он ухмыляется, хотя проверить нечем.

— Можно? — Он кивает на другой конец лавки.

До места, куда он показывает, метра полтора. Расстояние продуманное: так я не напрягусь, а ему не придётся повышать голос. Мне не нравится, что он это просчитал.

— Если ты серийный убийца, — замечаю я, — это очень грамотная стратегия.

— Если бы я был серийным убийцей, я бы выбрал сцену без свидетелей.

Он кивает в сторону Гиви, затем садится и вытягивает ноги, длинные, в тёмных джинсах и тяжёлых ботинках. Ставит бутылку на лавку между нами, как нейтральную территорию, и откидывается назад, запрокинув голову в шлеме к фонарю.

Я ловлю себя на том, что рассматриваю его. Без лица и без единой зацепки он остаётся силуэтом в кожаной куртке, с руками в перчатках, свободно лежащими на коленях. И всё-таки взгляд от силуэта не отлипает. Может, дело в том, как он сидит: без суеты, не пытаясь занять как можно больше пространства, что свойственно парням.

— Ты никогда не снимаешь шлем? — В вопросе слишком много интереса, в котором я даже самой себе сознаваться не планировала.

— А ты всегда читаешь ночью на улице?

— Я спросила первая.

— Угу. Не снимаю.

— Почему?

Он поворачивает голову. В чёрной поверхности визора крошечное отражение фонаря и мой собственный силуэт.

— Потому что так интереснее.

— Кому?

— Тебе. — Он отвечает без выкрутасов. — Ты бы давно уткнулась обратно в книгу, если бы увидела моё лицо. А так ты сидишь и гадаешь, и это единственная причина, по которой мы всё ещё разговариваем.

У меня пересыхает во рту. Не потому, что он сказал невесть что, а потому что он прав: любой мой аргумент прозвучит как «нет-нет, мне совершенно не интересно, как выглядит твоё лицо», а это ложь, и он её раскусит моментально.

— Ладно, — сдаюсь я наконец. — Допустим.

Он смеётся, тихо, себе в шлем, и смех выходит низким и совершенно неуместно приятным.

— «Допустим», — повторяет он. — Мне нравится. Ни да, ни нет. Дипломатично.

— Я учусь на лингвиста. Дипломатичность — профессиональная деформация.

— Лингвист. — Он произносит слово с удовольствием, растягивая. — И что, вся жизнь расписана? Диплом, аспирантура, кафедра, скучные конференции в Воронеже?

Я открываю рот и закрываю. Потому что да. Примерно так. Минус Воронеж, плюс Петербург, если повезёт, но схема та же.

— А что в этом плохого? — В собственном голосе я слышу мамин тон и ненавижу себя за него.

— Ничего, — отвечает он, и насмешки в голосе нет, он серьёзен. — Абсолютно ничего. Просто интересно, когда ты в последний раз делала то, чего нет в плане.

Я не отвечаю. Фонарь гудит над головой, на соседней улице проезжает машина, Гиви роняет ящик за стеклом и ругается по-грузински.

Я смотрю на человека без лица, который сидит на другом конце моей лавки и задаёт вопросы, на которые у меня нет готовых ответов, и под рёбрами тянет, будто внутри сдвинули мебель.

— Ты всегда так разговариваешь с незнакомыми людьми? — спрашиваю тихо.

— Только с теми, кто читает Плат посреди ночи. Редкий вид, нужно беречь.

И я улыбаюсь, против воли и против всякой логики, и не успеваю спрятать улыбку. Он чуть наклоняет голову, и я готова поклясться, что за визором он улыбается тоже.

Я открываю рот, чтобы сказать хоть слово, лишь бы не сидеть с этой дурацкой улыбкой, и он меня опережает.

— Мне пора. — Он встаёт легко, одним движением, как будто в нём нет веса. — Книга не закончится сама, а я и так отнял у тебя минут пятнадцать, которые ты запланировала на чтение.

Я хочу сказать «подожди» и вовремя закрываю рот. Нелепее этого «подожди» ничего не придумать.

— Ты даже имя своё не назвал.

Он останавливается и оборачивается вполоборота, визор ловит свет фонаря.

— Ты тоже.

Он идёт к байку, перекидывает ногу, садится, и мотоцикл просыпается под ним с тем же низким рыком. Он поднимает руку, коротко, небрежно, не прощание даже, а «до встречи», и выезжает на дорогу. Красный огонь заднего фонаря тает в темноте.

Книга лежит на коленях, закладка торчит из сто тридцать четвёртой страницы, и я её не открываю. Вместо этого сижу и слушаю, как затихает мотор, пока стук по стеклу не заставляет меня обернуться. Гиви показывает пальцем на лавку. Бутылка. Он оставил её на середине, там, где была нейтральная территория, и вода в ней ещё холодная, я проверяю ладонью, прежде чем успеваю подумать, зачем.

Крышка закручена туго, его рукой. Я откручиваю её и пью. Гиви за стеклом качает головой и высовывается в окошко:

— Лиза. Этот тут первый раз. Я его не знаю.

— Я тоже, — отвечаю и понимаю, что завтра приду сюда в то же время, и книга тут ни при чём.

Глава 2. Алексей

Я проезжаю два квартала, прежде чем понимаю, что улыбаюсь.

Это раздражает, потому что улыбаться в шлеме бессмысленно: никто не видит, щёки упираются в поролон, и через пару минут начинает сводить челюсть. Но я улыбаюсь и ничего не могу с этим сделать, злюсь на себя примерно полсекунды и перестаю, потому что жизнь слишком короткая, чтобы злиться на собственную улыбку.

Девчонка с книгой.

Я заехал за водой. Просто за водой. Двадцать минут ехал по пустому ночному городу, глотал горячий воздух пополам с выхлопом, мышцы гудели после целого дня, и всё, что мне было нужно, это холодная бутылка и ещё двадцать минут дороги до дома. Простой и понятный план.

А потом я увидел её.

Она сидела под фонарём, и фонарь обходился с ней несправедливо: выхватывал из темноты только её, как будто весь остальной район был декорацией, а она единственным человеком, на которого стоит смотреть. Тёмные волосы убраны наверх, но не аккуратно, а как получилось, и несколько прядей выбились и лежали на шее. Она читала, слегка нахмурившись, с чуть приоткрытыми губами, и я подумал, что она похожа на девушек из старых фильмов, которые сидят в библиотеках и не знают, что за ними наблюдают. Только те девушки были чёрно-белыми, а эта в цвете, и цвет этот оказался невозможно подробным.

Я подошёл к ларьку, попросил воду, и пока продавец копался в холодильнике, смотрел на неё и думал, что надо сесть на байк и уехать. Именно так и надо сделать. Потому что я знаю, чем заканчиваются такие истории. Они заканчиваются ничем, если ты тот, кто я есть, и у тебя нет ни диплома, ни ответа на вопрос «а кем ты планируешь стать», который нормальные люди задают на первом свидании.

А потом я поймал её взгляд.

Она посмотрела на меня и быстро спряталась за книгу. Так быстро, что я чуть не рассмеялся вслух, потому что это было самое красноречивое «мне всё равно» в истории человечества.

И я пошёл к ней, потому что а что ещё делать, если я успел придумать три причины остаться у байка и ни одна не остановила мои ноги.

Она читала Плат. Я разглядел обложку, «Под стеклянным колпаком», потрёпанное издание, явно не в первый раз раскрытое, и внутри у меня щёлкнуло.

Я не врал ей, я действительно читал Плат. Давно, в другой жизни, когда ещё думал, что университет и правильные шаги в правильном порядке и есть то, чего я хочу. Мне было девятнадцать, и я таскал из библиотеки всё подряд: Плат, Буковски, Керуака, Бродского, всех авторов, которых девятнадцатилетние парни читают, чтобы чувствовать себя глубокими. Разница в том, что большинство этих парней потом забывают цитаты и идут работать в офис, а у меня вот всё наоборот.

Когда я заговорил с ней, она сделала именно то, что я ожидал: подняла бровь и выставила колючки, изображая равнодушие. Это выглядело бы убедительно, если бы она при этом не развернулась ко мне всем корпусом и не захлопнула книгу, оставив закладку торчать, как будто уже решила, что сегодня дочитать не будет. Я это заметил сразу и с трудом удержался, чтобы не сказать вслух, потому что тогда бы она точно меня прогнала.

Она умная. По-настоящему умная, не из тех, кто нахватался цитат и козыряет ими при случае. Это было слышно по тому, как она разговаривала: быстро и точно, с холодноватым юмором, за которым пряталось тепло. И она, кажется, не очень хотела, чтобы это тепло было видно. Она напомнила мне кошку, которая делает вид, что ей не интересен фантик на верёвочке, но зрачки уже расширились и хвост подрагивает.

Лингвист. И вся жизнь у неё расписана, это было понятно даже не по словам, а по тому, как она испугалась моего вопроса. «А что в этом плохого?» Голос стал жёстче, спина выпрямилась, и голос этот был как будто взят напрокат. Могу ошибаться, но так обычно звучат чужие слова, которые слышали достаточно часто, чтобы они проросли. Кто-то вложил ей в голову, что только план и стоит между ней и катастрофой. Родители, наверное. Или один из них, тот, у кого хватило настойчивости.

Я знаю, как прорастают такие слова. Мне их тоже когда-то повторяли.

Я сворачиваю на свою улицу и глушу мотор. Снимаю шлем, и ночной воздух бьёт по лицу, тёплый, с запахом нагретого асфальта. Сажу на байке, держу шлем в руках и смотрю в темноту.

Она не назвала имени. И я не назвал.

Я мог бы. Мог бы попросить номер. Любой вменяемый парень так бы и сделал: давай обменяемся номерами, выпьем кофе, вот это всё. Нормальный набор. Я уже открыл рот, чтобы предложить, и в этот момент она сказала «а что в этом плохого» про свою расписанную жизнь, про кафедру и конференции, и от того, как она это сказала, я передумал.

Она не бросала мне вызов, она закрывалась. И я подумал: она ищет того, кто впишется в этот план. Парня с дипломом и должностью, с готовыми ответами на вопросы, которые задают на ужине у родителей. Такого, при виде которого её мама, или кто там, скажет «ну наконец-то» вместо «ты шутишь?».

А я ни во что не впишусь.

Поэтому я встал и ушёл. Красиво ушёл, надо отдать мне должное: легко, с шуткой, так, чтобы она не увидела, как мне не хочется вставать. Потому что вот такая штука: она улыбнулась. Один раз, и она пыталась это скрыть, сжала губы, как будто можно физически удержать улыбку, если достаточно сильно стиснуть зубы. Не получилось. Уголки рта поехали вверх, в глазах мелькнула злость на саму себя, и это была честная улыбка, без расчёта, и от честной улыбки уезжать тяжелее, чем от красивой.

Но я уехал.

И правильно сделал.

Я ставлю шлем на полку в прихожей, стягиваю куртку, иду в душ. Вода еле тёплая, бойлер на тридцать литров, хватает минут на семь, если не затягивать. Стою под струёй, упираюсь ладонями в стену и думаю о том, как она прижала книгу к груди, когда я подходил, рефлекторно, как будто книга может её прикрыть. Или как будто книга единственная опора, в которой она не сомневается.

Интересно, она всегда такая собранная, с готовой обороной и с чёткой границей между «допустимо» и «уже нет», которую она прочертила в воздухе, даже не осознав этого. Интересно, расслабляется ли она когда-нибудь и как выглядит, когда расслабляется. Волосы, наверное, распущены. И лицо другое, мягче, без этой лёгкой складки между бровями, которую я заметил, пока она пыталась делать вид, что не смотрит на меня.

Ладно. Хватит.

Я выключаю воду и вытираюсь. Полотенце отдаёт сыростью, потому что сушилка сломалась на прошлой неделе и я всё никак не куплю новую. Квартира маленькая, комната с кухней и совмещённым санузлом на шестом этаже без лифта, зато с окном, из которого видно кусок парка и краешек неба. Мне давно хватает того, что есть, и я перестал извиняться за это перед самим собой.

Я ложусь и смотрю в потолок.

Номер не попросил, имени не назвал, а шлем так и остался на голове. Три правильных решения за один вечер, даже для меня это много.

Но я знаю, как устроены ночи в этом городе. Она сидела на той лавке слишком привычно, слишком по-хозяйски, так сидят только на своём месте. А значит, она придёт снова. Может быть, завтра. Может, через неделю.

И я приеду за водой.

Просто за водой.

Я закрываю глаза и вспоминаю, как она сказала «допустим», ни да, ни нет, ровно посередине, и за еще одно «допустим» я бы отдал любое «да», которое слышал от девушек за последние два года.

Телефон на полу у кровати вздрагивает. Димон: «завтра к восьми, с утра джип пригонят, не проспи». Пишу «ок» и кладу телефон экраном вниз.

Глава 3. Лиза

Я не сплю до трёх.

Это не бессонница в привычном смысле — не тревога, не списки дел, которые крутятся в голове и не дают отключиться. Это другое. Я лежу на спине, одеяло сбито к ногам, потому что ночь тёплая и душная, и потолок надо мной испещрён тенями от фонаря за окном, и я прокручиваю разговор. Весь, с начала до конца. Каждую реплику.

«Если бы я подкатывал, ты бы это почувствовала.»

Я чувствовала. В том-то и проблема. Я чувствовала, и он знал, что я чувствую, и не стал на этом играть, и вот это — вот именно это — не укладывается у меня в голове.

Я переворачиваюсь на живот и утыкаюсь лицом в подушку. Подушка тёплая с обеих сторон, я уже проверила.

Он процитировал Плат. Вот так, легко, между делом, как будто все мотоциклисты в шлемах носят с собой «Леди Лазарь» в подкорке. И не напрягся, не выдержал паузу для эффекта, не посмотрел на меня, ожидая восхищения. Просто сказал — и пошёл дальше. Я за двадцать два года своей жизни могу пересчитать по пальцам одной руки мужчин, которые знают, кто такая Сильвия Плат, и у большинства из них это знание заканчивается на «а, это та, которая с духовкой». А этот — цитирует наизусть. В полночь. В мотоциклетном шлеме.

Я снова переворачиваюсь на спину.

Ладно. Допустим, он начитанный. Бывает. Это не повод лежать без сна и вспоминать, единственное, что я видела, шею — полоску кожи под шлемом, и почему-то именно эта полоска, узкая, незащищённая, между чёрным пластиком и воротом футболки, показалась мне интимнее, чем должна была. Интимнее, чем голая грудь на пляже, интимнее, чем расстёгнутые пуговицы на рубашке. Потому что всё остальное было закрыто — шлем, куртка, перчатки, — и эта случайная полоска кожи была единственным, что он мне позволил увидеть.

Боже, о чём я вообще думаю.

Я сажусь в кровати и включаю телефон. Два часа сорок семь минут. Шесть непрочитанных сообщений от Ани, и я знаю, не открывая, что там что-то про «ты неверишь, что сегодня было» или «я нашла идеальную тушь» или «мне нужно с тобой поговорить, вопрос жизни и смерти» — последнее обычно означает, что ей не идёт новая стрижка.

Я не открываю. Вместо этого я смотрю на чёрный экран и вижу своё отражение — расчёпанные волосы, тёмные круги, которые к утру станут ещё темнее, и выражение лица, которое я бы описала как «раздражённая растерянность».

Он не назвал имени.

Я тоже.

И он ушёл. Не попросил номер. Не предложил увидеться. Не сказал «было приятно познакомиться» или другую формулу из учебника по социальному взаимодействию. Просто сел на байк, поднял руку и уехал. И я до сих пор не могу понять, что меня задевает больше — то, что он это сделал, или то, что я хотела, чтобы он этого не делал.

«Просто интересно, когда ты в последний раз делала что-то, чего нет в плане.»

Вот это не даёт мне спать. Не цитата из Плат, не голос из-под шлема, не полоска кожи на шее — хотя всё это тоже, но в первую очередь — этот вопрос. Потому что я не смогла на него ответить. Не потому что ответ сложный, а потому что ответ простой, и он мне не нравится. Я не помню. Я не помню, когда в последний раз делала что-то незапланированное. Всё, что я делаю, — это пункты списка, и когда один пункт завершён, я перехожу к следующему, и мне от этого спокойно, и это нормально, и это правильно, и мама говорит, что это единственный способ не оказаться в ситуации, в которой оказалась она, когда доверилась мужчине без плана и осталась одна с ребёнком и кредитом за квартиру.

Я ложусь обратно и натягиваю одеяло до подбородка, несмотря на жару.

Засыпаю ближе к четырём. Мне снится фонарь и чёрный визор, в котором отражается моё собственное лицо, и голос, который говорит: «Допустим». Мой голос.

Утром я просыпаюсь от звонка Ани.

— Вставай, — говорит она вместо «привет». — Мне нужно на мойку, у меня на машине слой пыли толщиной с палец, и я отказываюсь ехать на свидание в таком виде.

— Который час? — Я щурюсь на экран. Девять тридцать. Семинар в два. Я могу себе позволить.

— Время делать мне одолжение. Через полчаса у твоего подъезда. Оденься прилично, там работают красивые мальчики.

— Аня, мне не нужны красивые мальчики.

— Тебе нужны красивые мальчики. Ты просто об этом не знаешь.

Она вешает трубку раньше, чем я успеваю возразить. Это нормально. Аня всегда вешает трубку на самом сильном аргументе, потому что знает: если дать мне время на ответ, я найду двенадцать причин остаться дома.

Я встаю. Душ. Кофе. Волосы сохнут сами, пока я натягиваю джинсы и футболку и ищу второй кроссовок, который, как выясняется, закатился под кровать. Прилично, как просила Аня, я одеваться не собираюсь. Это автомойка, а не показ мод.

Аня подъезжает в девять пятьдесят пять — белый «Поло» с действительно впечатляющим слоем пыли. Я сажусь на пассажирское, и она окидывает меня взглядом.

— Сколько ты спала? Часа три?

— Пять, — вру я.

— Врёшь. Но ладно. Кофе?

— Уже пила.

— Второй кофе?

— Аня. Мойка.

— Мойка, — соглашается она и вырывается со двора.

Мойка находится в промзоне за Третьим кольцом — из тех мест, где заборы из профнастила, бетонные заплатки на асфальте и вывески, напечатанные в типографии, которая закрылась в две тысячи восьмом году. Аня ездит сюда, потому что «дёшево и парни симпатичные», и я перестала спорить с этой логикой примерно на третьем визите, когда поняла, что спорить с Аниной логикой — это как спорить с погодой: бессмысленно и мокро.

Мы заезжаем на площадку, и Аня глушит мотор. Перед нами — открытый бокс с бетонным полом, шланги, пара ведер, радио на подоконнике, из которого играет что-то с тяжёлым басом. И два парня.

Первый сидит на перевёрнутом ведре у стены, в телефоне, коренастый, в таком же оранжевом рабочем комбинезоне, только застёгнутом и заляпанном. Нормальный парень. Фон.

Второй — не фон.

Второй танцует.

По-настоящему танцует — не притоптывает, не покачивает головой, а танцует, всем телом, посреди мойки, с губкой в руке, и тёмно-синий внедорожник рядом с ним выглядит как декорация, которую забыли убрать со сцены. На нём оранжевый комбинезон, мешковатый, из той грубой ткани, которая не должна выглядеть хорошо ни на ком, — расстёгнутый до середины живота, и под ним ничего. Совсем ничего. Только кожа, и линия грудных мышц, и тёмная дорожка волос ниже пупка, и татуировки, которые ползут по рукам и по рёбрам и исчезают под оранжевой тканью.

Он крутится. Делает что-то ногами — быстрое, ритмичное, с таким ленивым шиком, как будто бетонный пол мойки — это танцпол, на котором он провёл всю жизнь. Бёдра отбивают

ритм. Плечи перекачиваются. Он перебрасывает губку из руки в руку, ловит её за спиной, и это не трюк, не понты — это просто переизбыток энергии, которая ищет выход.

Он подтанцовывает к коллеге и делает что-то бёдрами в его сторону — что-то откровенно провокационное и весёлое, — и коренастый парень, не поднимая глаз от телефона, отталкивает его ладонью в живот..

— Пошёл нахер, Аксель, — говорит он беззлобно.

Аксель смеётся — громко, запрокинув голову, — и продолжает танцевать, но теперь разворачивается обратно к машине и швыряет в неё губкой, которая шлёпается на крышу с мокрым звуком. И продолжает двигаться. Ему не нужен зритель. Ему не нужно одобрение. Музыка играет, и его тело реагирует на неё, и всё.

Я смотрю на полоску обнажённого живота между расстёгнутыми краями комбинезона. На то, как ткань соскальзывает с одного плеча, когда он поднимает руку, обнажая ключицу и ещё несколько сантиметров татуировки. На капли воды, которые блестят у него на груди в утреннем солнце.

У меня пересыхает во рту.

— Видишь? — шепчет Аня. — Видишь, что я тебе говорила?

Я не отвечаю, потому что у меня нет голоса. У меня вообще, кажется, нет ничего, кроме пульса, который грохочет в ушах, и тепла, которое разливается по нижней части живота и спускается ниже — туда, где его быть не должно в десять утра на пассажирском сидении Аниного «Поло» на автомойке в промзоне.

Он красивый, но не так, как бывают красивыми мужчины в рекламе или кино. Он красивый так, как бывает красивым что-то живое и не до конца прирученное. Русые кудри, чуть влажные, падают на лоб и лезут в глаза. Скулы, прямой нос, чуть неправильный, будто когда-то был сломан. Пирсинг — серебряное колечко в брови и второе в нижней губе. И эти руки — обе забиты от запястий и выше, сплошной рукав из чёрных и серых линий, и когда он двигается, татуировки двигаются тоже, как будто они живые.

Коренастый парень на ведре поднимает глаза, замечает нашу машину, толкает Акселя в бок и кивает в нашу сторону. Аксель оборачивается.

Видит нас за лобовым стеклом. Видит двух девиц, которые сидят с одинаково приоткрытыми ртами и пялятся на него, как на витрину магазина, в который им не хватит денег зайти.

Он улыбается.

Не ухмылка, не усмешка — улыбка. Широкая, открытая, с ямочками, которых не должно быть у человека с пирсингом и забитыми рукавами, но которые есть, и от которых у меня дёргается что-то в груди. Или ниже. Или везде.

Он бросает губку в ведро и идёт к нам. И пока идёт — застёгивает одну кнопку комбинезона. Ровно посередине груди. Как будто этого достаточно. Как будто это делает ситуацию хоть немного приличнее.

— Дыши, — говорит Аня.

— Я дышу, — говорю я, и вдыхаю, и понимаю, что не дышала последние несколько секунд.

И я думаю: это второй раз, когда незнакомый мужчина идёт в мою сторону, а я сижу и не знаю, куда деть руки.

Глава 4. Алексей

Я узнаю её моментально.

Это даже не вопрос узнавания, не та секунда, когда мозг сопоставляет лицо с памятью и выдаёт результат. Это моментальное, телесное, на уровне позвоночника — я поворачиваюсь, вижу белый «Поло» на площадке, вижу девушку на пассажирском сидении, и всё внутри меня говорит: это она.

Девчонка с книгой. Девчонка из-под фонаря. Та, которая читает Плат в полночь и говорит «допустим» так, будто кладёт карту на стол рубашкой вверх.

Она сидит за лобовым стеклом и смотрит на меня, и у неё приоткрыты губы, и я вижу это даже через отсвет солнца на стекле, и мне требуется вся выдержка, которая у меня есть, чтобы не остановиться и не заржать. Потому что жизнь — смешная штука. Сегодня ночью я думал, что больше её не увижу, и что это к лучшему, и что ни во что я не впишусь, — а теперь она здесь, на моей мойке, и смотрит на меня так, как ночью не смотрела, потому что ночью на мне был шлем и всё, что у неё было — голос.

А сейчас она видит всё.

И я вижу всё. Я вижу, как она сидит — чуть подавшись вперёд, руки на коленях, волосы распущены, — и она не тёмная фигура под фонарём, она в утреннем свете, и это совсем другой человек. То есть тот же, но больше. Подробнее. Я вижу её глаза — тёмные, большие, — и скулы, и как прядь волос лежит на ключице, и мне хочется подойти ближе, и я уже иду к ней, и у меня в голове одновременно три мысли.

Первая: она меня не узнает. Конечно не узнает — она видела шлем, перчатки, куртку и темноту. А сейчас передо мной стоит... ну, я. Комбинезон, кудри, татуировки, утреннее солнце. Два разных человека. Она не свяжет одно с другим, и от этого мне одновременно легко и паршиво.

Вторая: я не могу ей сказать. Не могу подойти и выдать «привет, это я, тот парень в шлеме, который вчера цитировал тебе Плат». Потому что тогда — что? Она посмотрит на меня, на комбинезон, на вывеску «Автомойка», посчитает в уме и получит ответ на вопрос «а чем ты занимаешься», и ответ ей не понравится. Я это знал ночью и знаю сейчас, и ничего не изменилось за несколько часов, кроме того, что теперь я знаю, как она выглядит при свете дня, и выглядит она так, что у меня сбивает дыхание.

Третья: какого чёрта она делает на моей мойке.

Я подхожу к машине со стороны водителя. За рулём — девушка, которую я не знаю: яркая, рыжая, с накрашенными губами и выражением лица, которое говорит «я точно знаю, как ты выглядишь без комбинезона, и мне нравится». Она опускает стекло, и на меня выливается волна сладких духов и какой-то попсовой песни из динамиков.

— Привет, — говорит рыжая. — Нам полный комплекс.

— Полный комплекс, — повторяю я и улыбаюсь ей, но мой взгляд уже соскальзывает на пассажирское сидение. На неё. Это сильнее меня. Это какой-то чёртов магнит, и я ничего не могу с этим сделать.

Она смотрит на меня. И я вижу, как она пытается сделать лицо — то самое, ночное, «мне совершенно всё равно», — и у неё не получается. Потому что ночью между нами были книга, шлем и полный набор мотоциклетной экипировки, а сейчас я стою в полуметре, в расстёгнутом комбинезоне, мокрый, и от меня пахнет автошампунем и потом, и её взгляд скользит по моей груди и ниже, к животу, и она одергивает себя и резко отводит глаза, и на скулах проступает румянец.

Румянец. Утренний свет. Господи.

— Я Аксель, — говорю я рыжей. — Можете пока посидеть под навесом.

— Аксель? — это уже не рыжая. Это она, говорит не поворачивая головы, будто в пространство. — Это имя или прозвище?

Я наклоняюсь чуть ниже, чтобы видеть её через салон. Рыжая между нами откидывается на спинку, не скрывая удовольствия от происходящего.

— Зависит от того, что тебе больше нравится, — отвечаю я, и это дерзость, и я вижу, как она чуть щурится, как будто решает, раздражает её это или нет.

— Мне нравятся имена, — говорит она. — Прозвища — для людей, которые боятся своего настоящего.

Мне хочется сказать ей, что она абсолютно права. Что я боюсь. Не имени, а всего остального — того, что за ним стоит. Но вместо этого я улыбаюсь, и это получается легко, потому что она только что сделала то, что делала ночью: укусила ровно туда, где больнее всего, и даже не поняла этого.

— Алексей, — говорю я. — Но все зовут Аксель.

— Все — это кто?

— Все, кто знает меня дольше пяти секунд.

— Мы знакомы десять. И мне пока нормально с «Алексеем».

Рыжая за рулём переводит взгляд с неё на меня и обратно — быстро, жадно, как зритель на теннисном матче.

— Это Лиза, — говорит рыжая. — Она всегда такая. Не обращай внимания.

Лиза.

Её зовут Лиза.

Я повторяю это имя про себя, беззвучно, и оно отпечатывается в мозге и в грудной клетке. Лиза. Девчонка с книгой. Девчонка из-под фонаря. У неё есть имя, и мне его только что подарили бесплатно, и я не знаю, радоваться этому или нет, потому что знать её имя означает, что она становится реальнее, а чем реальнее она становится, тем сложнее мне будет делать вид, что я просто парень на мойке, который видит её впервые.

— Лиза, — говорю я вслух, пробуя это на языке, и улыбаюсь. — Двадцать минут. Можете подождать вон там.

Рыжая выходит первая — уверенно, цокая по бетону, сразу к пластиковым стульям. Лиза выходит медленнее. Она выбирается с пассажирского, и я стою достаточно близко, чтобы почувствовать запах её шампуня — что-то лёгкое, ненавязчивое, ничего общего со сладкими духами подруги. Она проходит мимо, не глядя на меня. Нарочито не глядя. С прямой спиной и чуть вздёрнутым подбородком, как человек, который точно знает, что на него смотрят, и прикладывает все усилия, чтобы это не имело значения.

Это имеет значение. Я вижу, как она сглатывает, проходя мимо. Вижу, как её пальцы сжимаются на ремешке сумки.

Они садятся под навесом. Лиза скрещивает руки на груди. Стандартная поза — закрытая, защитная. Я знаю, что она на меня смотрит, даже когда делаю вид, что не замечаю.

Я начинаю мыть машину.

По радио включается один из тех треков, которые не слушаешь, а чувствуешь позвоночником.

И я начинаю двигаться. Не потому что хочу произвести впечатление. Не потому что знаю, что она смотрит. Я всегда так делаю — музыка играет, тело отвечает, и у меня нет кнопки, которая это выключает. Серёга за три года работы со мной перестал это комментировать. Сейчас он сидит на своём ведре, поднимает глаза, видит, что я опять завожусь, и качает головой с ленивой усмешкой.

Я вожу губкой по капоту и мои бёдра делают этот медленный перекат, тяжёлый, в ритм гитары, и я краем глаза вижу, как Лиза на пластиковом стуле под навесом меняет позу. Разжи-

мает руки. Кладёт ладони на колени. Её подруга наклоняется к ней и что-то шепчет, и Лиза мотает головой, но не отводит от меня взгляда.

Я не должен этим наслаждаться.

Но я наслаждаюсь.

Не её реакцией — хотя, ладно, её реакцией тоже, — а самим фактом, что она здесь. Что она смотрит на меня и видит того, кого я не показал ей ночью. Ночью я был голосом и силуэтом, набором правильных слов в темноте. А сейчас я — вот. Мокрый комбинезон, губка, автошампунь, кудри в глазах. Всё настоящее. И она смотрит, и ей нравится, я вижу, что нравится, даже через показное безразличие, потому что безразличные люди не сидят с прямой спиной и расширенными зрачками и не сглатывают каждый раз, когда я наклоняюсь за шлангом.

Я перехожу к крыше, тянусь вверх, и комбинезон сползает с плеча. Не специально. Но я не поправляю. И когда поворачиваю голову, чтобы проверить, как стекает вода, — я ловлю её взгляд. На секунду. Может, на две. И в эти две секунды воздух между площадкой и навесом перестаёт быть просто воздухом, он делается гуще и теплее, и проводит уже не кислород, а что-то другое.

Потом она отводит глаза. Быстро. Слишком быстро.

И я возвращаюсь к машине. И продолжаю двигаться. И думаю о том, что через пятнадцать минут машина будет чистой, они уедут, и всё вернётся на свои места. Она будет девчонкой с книгой, которая ходит к фонарю. Я буду парнем с автомойки, которого она не узнала. Два мира, которые пересеклись на двадцать минут и разошлись.

Если только я не подойду и не заговорю с ней. Не как парень в шлеме, а как Аксель с мойки. Другие слова, другая дистанция. Посмотрю, как она отреагирует. Посмотрю, кто ей понравится больше.

Это нечестно, думаю я, отжимая губку в ведро. Это нечестная игра, потому что у неё нет всех карт.

Но машина ещё мокрая. А значит, у меня есть время, чтобы решить, собираюсь ли я подойти.

Я оборачиваюсь, чтобы взять полироль, и снова встречаюсь с ней взглядом. Она не успевает отвернуться. И я вижу в её глазах то, что видел ночью под фонарём, — этот голод, замаскированный под любопытство, эту тягу, которую она давит в себе обеими руками.

Я беру полироль и иду обратно к машине, и мне даже не нужно решать, потому что ноги уже знают, что после полироля я пойду не к ведру, а к навесу. К пластиковым стульям. К ней.

Потому что некоторые решения ноги принимают раньше головы. Я это уже проходил, сегодня ночью. Я подошёл к ней тогда. Подойду и сейчас.

Глава 5. Лиза

Он моет машину Ани, а я смотрю на его руки и ненавижу себя за это.

Нет, не за то, что смотрю. Смотреть — нормально. Люди смотрят на красивые вещи, это физиология, эстетическое восприятие, нейроны в зрительной коре и всё такое. Я ненавижу себя за то, как я смотрю — жадно, воровато, из-под опущенных ресниц, как будто краду что-то, что мне не принадлежит. За то, что каждый раз, когда он наклоняется или поворачивается, мой взгляд соскальзывает к расстёгнутому вороту комбинезона, к этому треугольнику обнажённой кожи, и я не могу удержаться.

— Ты пялишься, — говорит Аня.

— Я не пялюсь.

— Лиз. У тебя глаза размером с блюдца, и ты не моргала последние тридцать секунд.

Ты пялишься.

Я моргаю. Демонстративно. Несколько раз подряд.

— Я просто жду, пока он закончит.

— Угу. И наслаждаешься процессом.

Я хочу ответить что-нибудь язвительное, но в этот момент он тянется вверх, протирая крышу, и комбинезон снова сползает с плеча, обнажая ключицу и начало татуировки — что-то вроде ветки, или нерва, или молнии, чёрные линии расходятся от ключицы вниз и исчезают под тканью. И его живот напрягается от движения, и я вижу, как прорисовываются мышцы под кожей.

Я отворачиваюсь так резко, что шея хрустит.

— Ты в порядке? — спрашивает Аня с ухмылкой, от которой хочется удалить её из друзей.

— Прекрасно. Просто шею свело.

— От усердного непялинья.

— Аня.

— Что? Он горячий. Это объективный факт. Ты не обязана быть роботом.

Я не робот. Именно в этом проблема. Если бы я была роботом, у меня бы не стоял перед глазами этот кадр — как он двигается, как его бёдра перекачиваются в такт музыке, как он перебрасывает губку из руки в руку и ловит за спиной. Роботы не запоминают такие вещи. Роботы не чувствуют тепло внизу живота от того, как незнакомый парень моет машину.

Но я чувствую. И это сводит меня с ума, потому что недавно я уже чувствовала нечто похожее — сидя на лавке рядом с мужчиной, лица которого я даже не видела. Два раза за один неполный день. Два совершенно разных незнакомца. Что со мной происходит?

Он заканчивает с крышей и обходит машину, проверяя что-то. Потом берёт шланг и начинает смывать, и вода разлетается веером, и на секунду через струю проходит солнечный луч, и всё это — мокрый оранжевый комбинезон, брызги, его кудри, прилипшие ко лбу, — выглядит как кадр из фильма, который я бы никогда не призналась, что смотрю.

Его коллега, тот коренастый парень с ведра, проходит мимо нас к боксу и бросает на ходу:

— Минут пять ещё.

Аня кивает. Я тоже киваю, хотя он уже не смотрит. Мне нужно чем-то занять руки, и я вытаскиваю телефон и открываю заметки к диссертации, и буквы расплываются перед глазами, потому что за экраном телефона, в двадцати метрах от меня, Алексей-который-Аксель выключает шланг и вытирает лоб внутренней стороной запястья, и я вижу это периферийным зрением.

— Так, — говорит Аня, придвигаясь ближе. — Расскажи мне.

— Что рассказать?

— Ты странная с утра. Мешки под глазами, рассеянная. Ты не спала. Почему?

Я колеблюсь. Я не собиралась рассказывать Ане про мотоциклиста — это звучит нелепо даже в моей голове. «Я сидела ночью под фонарём, и ко мне подошёл мужчина в шлеме, и мы поговорили про Сильвию Плат, и он уехал, и я не могу перестать о нём думать.» Это не история. Это завязка плохого фанфика.

— Не спалось, — говорю я. — Жарко было.

— Угу, — Аня прищуривается. Она знает, что я вру. — Ладно. Не хочешь говорить — не говори. Но с тебя подробности, когда созрешь.

Я киваю, и в этот момент — шаги. По бетону, ближе. И запах — автошампунь, что-то цитрусовое, и под ним пот, и что-то ещё, тёплое, живое, знакомое. Я поднимаю глаза.

— Готово, — говорит он. И смотрит на Аню, но потом его взгляд перемещается на меня, и он задерживается на долю секунды дольше, чем нужно. — Можете принимать работу.

— Отлично, — Аня встаёт и цокает к машине. Я начинаю вставать вслед за ней, и он делает шаг в сторону, давая мне пройти, но расстояние, которое он оставляет, — маленькое. Не неприличное. Не вызывающее. Но достаточно маленькое, чтобы я почувствовала тепло его тела, проходя мимо, и чтобы мне пришлось чуть повернуть корпус. И вот мы оказываемся на мгновение лицом к лицу.

Его глаза — серо-зелёные, с тёмным ободком вокруг радужки, и в них — веселье. Тихое, внутреннее, как будто он знает что-то смешное и ждёт момента, чтобы мне рассказать.

— Как тебе? — спрашивает он. — В смысле, работа.

— Пока не видела. Я смотрела в телефон.

Ложь. Наглая, неприкрытая ложь, и мы оба это знаем. Он улыбается — не ухмылка, а та же улыбка с ямочками, которую я видела, когда он шёл к нашей машине, — и наклоняет голову.

— В телефон, — повторяет он. — Все двадцать минут.

— Да. У меня диссертация.

— Ты пишешь диссертацию на автомойке.

— Я пишу диссертацию везде.

— Уважаю, — говорит он. И делает полшага назад, возвращая расстояние, которое на мгновение исчезло. Но воздух между нами не возвращается в нормальное состояние — он всё ещё тёплый, всё ещё заряженный, и я чувствую это кожей. — Диссертация по чему?

— Когнитивная лингвистика.

Зачем я это говорю? Зачем я стою и разговариваю с парнем с автомойки о своей диссертации? Аня уже у машины, проверяет что-то, и мне нужно идти к ней, и сесть, и уехать, и забыть, как пахнет автошампунь на чужой коже.

— Это про то, как язык связан с мышлением? — спрашивает он.

Я моргаю.

— Ты знаешь, что такое когнитивная лингвистика?

— Я знаю, что такое слово «когнитивный», — говорит он. — И слово «лингвистика». Сложить два и два я пока ещё в состоянии.

Он говорит это без обиды. С мягким юмором, почти нежным, и с такой лёгкой провокацией в глазах, которая говорит: давай, скажи ещё раз что-нибудь снобское, мне нравится.

И мне стыдно, потому что я только что — автоматически, не задумываясь — удивилась, что парень с мойки знает, что такое когнитивная лингвистика. Как будто работа определяет словарный запас. Как будто оранжевый комбинезон и татуировки означают, что он не способен связать два слова.

Мамин голос, думаю я. Мамина интонация. Мамин способ сортировать людей на тех, кто «наш уровень», и тех, кто нет.

— Прости, — говорю я. — Это прозвучало по-дурацки.

— Немного, — соглашается он. И улыбается. И от этой улыбки мне становится легче, потому что в ней нет обиды, и нет яда, и нет того затаённого «я запомню это», которым мужчины обычно реагируют на уязвлённое самолюбие.

— Так и о чём конкретно? — спрашивает он, как будто моя неловкость была мелкой кочкой на дороге, которую он перешагнул и забыл. — Диссертация.

— Метафоры, — отвечаю я. — Концептуальные метафоры и их влияние на восприятие времени.

— То есть мы думаем о времени через метафоры? «Время — деньги», «тратить время», «инвестировать время»?

Я открываю рот. Закрываю. Открываю снова.

— Да, — говорю я. — Именно.

— И? Ты за Лакоффа или против?

Мне нужно минуту, чтобы обработать то, что произошло. Парень в оранжевом комбинезоне на автомойке в промзоне за Третьим кольцом только что спросил меня, поддерживаю ли я теорию Джорджа Лакоффа. Мои однокурсники в магистратуре не все знают, кто такой Лакофф. Мой научный руководитель произносит его фамилию с ошибкой.

— Ты читал Лакоффа, — говорю я, и это не вопрос.

— «Метафоры, которыми мы живём», — он пожимает плечами. — Давно. Мне понравилось. Но я не уверен, что он прав насчёт всего. Мне кажется, иногда метафора — это просто метафора, а не структура мышления.

Я хочу ответить — у меня есть аргумент, и он готов, на кончике языка, — но вместо этого я стою и смотрю на него, и пытаюсь совместить в одной картинке татуировки, пирсинг, кудри, оранжевый комбинезон и Джорджа Лакоффа, и у меня не получается, и от этого кружится голова.

— Лиза! — кричит Аня от машины. — Ты едешь?

Я вздрагиваю. Как будто меня поймали на чём-то.

— Да, — говорю я. — Секунду.

Он отступает. Засовывает тряпку в задний карман комбинезона и смотрит на меня с таким выражением, которое я не могу прочесть и от которого у меня подкашиваются колени. Не в метафорическом смысле. В прямом — мышцы под коленями делают эту предательскую мягкую вещь, от которой хочется на что-нибудь опереться.

— Было приятно, Лиза, — говорит он. И произносит моё имя так, будто гладит его. Как будто каждая буква — отдельная вещь, которую он берёт в руки и рассматривает на свет. — Приезжай ещё. Поговорим о Лакоффе.

— У меня нет машины, — зачем-то отвечаю я. Зачем. Зачем я это говорю.

— Значит, нужен повод замарать машину подруги, — он кивает на Анин «Поло». И подмигивает. Одним глазом, быстро, и колечко в брови ловит солнце, и это последний кадр, который я забираю с собой в машину — серо-зелёные глаза, ямочки, серебро в брови.

Я сажусь, захлопываю дверь, и Аня выруливает с площадки. В зеркале заднего вида я вижу, как он стоит посреди мойки и смотрит нам вслед. Потом поворачивается к коренастому парню и говорит ему что-то, и тот ржёт.

— Так, — говорит Аня. — Что это было?

— Ничего. Он просто... разговорчивый.

— Лиза. Ты стояла с ним десять минут и обсуждала что-то. Что?

— Лакоффа.

— Кого?

— Не важно.

— Ты стояла с горячим парнем с автомойки и обсуждала кого-то по фамилии Лакофф? Кто вообще такой Лакофф? Это что, группа?

— Это лингвист.

— Вы обсуждали лингвиста.

— Да.

Аня молчит секунду. Потом:

— Ты — безнадежна.

Может быть. Наверное. Но пока Аня выезжает на шоссе и ругается с навигатором, я смотрю в окно и думаю не о Лакоффе. Я думаю о том, что за последние двенадцать часов два абсолютно разных мужчины заговорили со мной так, как со мной не разговаривал никто, — легко, точно, попадая в каждую щель моей обороны. Один — голос в темноте, без лица, с Сильвией Плат. Второй — кудри и ямочки, с Джорджем Лакоффом. Один пахнет кожей и бензином. Второй — автошампунем и потом.

И от обоих у меня подгибаются колени и пересыхает во рту.

Это ненормально, думаю я. Это какая-то ошибка в моей нервной системе. Перегрев. Недосып. Гормональный сбой.

Я достаю телефон и открываю заметки к диссертации. Третья глава, параграф о пространственных метафорах времени. Буквы ровные, послушные, каждая на своём месте. Мне нужно прочитать тридцать страниц до семинара и написать комментарий к статье, и это правильно, и это мой план, и план — это то, что стоит между мной и хаосом.

Я начинаю читать.

На второй странице ловлю себя на том, что думаю о его руках.

На четвёртой — о том, как он сказал «приезжай ещё» и как от этих двух слов по позвоночнику прошла волна, которой не должно было быть.

На шестой — я сдаюсь и откладываю телефон.

За окном — город. Обычный, летний, полуденный. Пробки, тополя, размякший асфальт. Аня рассказывает что-то про своё свидание, и я киваю в нужных местах, и думаю о том, что вчера в это время моя жизнь была понятной. Вчера у меня были диссертация и фонарь, под которым никто кроме меня не сидел.

А сегодня у меня два незнакомца, от которых у меня перехватывает дыхание, и ни малейшего понимания, как с этим быть.

Глава 6. Алексей

Серёга ждёт ровно до тех пор, пока белый «Поло» не скрывается за поворотом, и потом говорит:

— Ну и что это было?

— Что — что?

— Ты двадцать минут мыл машину и при этом ни разу не посмотрел на машину.

Я подбираю шланг и начинаю скручивать. Серёга сидит на ведре и не помогает, потому что Серёга не помогает никогда, пока не наступит его очередь, а его очередь — следующий клиент.

— Я мыл машину отлично, — говорю я.

Самое главное — уверенность.

— Ты пропустил задний бампер.

Чёрт. Я пропустил задний бампер. Серёга ухмыляется — лениво, со знанием дела.

— Тебя накрыло, — говорит он.

— Меня не накрыло.

— Ты танцевал в её сторону.

Я открываю рот, чтобы возразить, и закрываю, потому что он прав. Я танцевал в её сторону. Не специально — или, может быть, специально, но той частью мозга, которая не спрашивает разрешения у остальных частей и в целом в известность не ставит. Она сидела под навесом на пластиковом стуле, и моё тело развернулось к ней, как подсолнух к солнцу, и я ничего не мог с этим сделать. Даже не пытался.

— Просто девчонка, — говорю я и вешаю шланг на крюк.

— Угу. «Просто девчонка». Ты с «просто девчонками» про Лакоффа не разговариваешь.

— Ты подслушивал?

— У тебя голос разносится по всей мойке, когда ты заводишься. Лакофф, метафоры, «приезжай ещё». Ты ей только серенаду не спел.

— День только начался.

Серёга хмыкает, качает головой и утыкается в телефон. Разговор закончен, и я этому искренне рад, потому что если он продолжит задавать вопросы, мне придётся задавать их себе, а у меня на них нет ответов.

Точнее, ответы есть. Они мне не нравятся.

Я иду в подсобку, открываю кран, набираю воды в стакан. Пью, упираясь бедром в край раковины. На стене — осколок зеркала, приклеенный скотчем, и в нём моё лицо: мокрые кудри, пирсинг, комбинезон. Вот что она видела. Вот что увидела вместо шлема и куртки и голоса в темноте. И ей понравилось — я видел, как ей понравилось, — но это другое «понравилось». Ночью между нами были слова. Плат, разговор, его ритм и вес. Сейчас между нами было тело.

И мне от этого беспокойно. Потому что я знаю, как работает тело. Тело — это просто. Тело — это мышцы, и танец, и расстояние, которое можно сократить. С телом я умею. Я всегда умел, и мне не стыдно за это — мне нравится моё тело, мне нравится, что оно умеет двигаться, и мне нравится эффект, который оно производит, и я не собираюсь притворяться, что не замечаю, как женщины на меня смотрят.

Но с ней я не хочу, чтобы дело было только в теле. С ней я хочу то, что было ночью, — разговор, от которого щёлкает что-то в замке. Плат, «допустим», её улыбку, которую она пыталась удержать и не смогла. Я хочу и то, и другое. И не могу получить и то, и другое, потому что для этого мне нужно сказать ей, что парень в шлеме и парень на мойке — один и тот же человек, а я не могу этого сделать, потому что тогда следующий вопрос будет «а почему ты

работаешь на мойке», и за ним — «а какие у тебя планы», и всё покатится по тому сценарию, в котором я — неправильный ответ.

Я допиваю воду, ставлю стакан и смотрю на своё отражение в осколке зеркала.

Ладно. Вот что я знаю.

Её зовут Лиза. Она учится на лингвиста. Пишет диссертацию о метафорах. Читает Плат ночью под фонарём на углу Чернышевского и Пятой Парковой. У неё есть подруга — рыжая, громкая, ездит на белом «Поло». И Лиза залилась румянцем, когда я прошёл мимо неё, и её пальцы сжались на ремешке сумки, и она пахнет чем-то лёгким, как будто после дождя.

И ещё я знаю, что ночью, под фонарём, она открылась мне за пятнадцать минут больше, чем большинство людей открываются за месяцы. Она рассказала про лингвистику, про план на жизнь, про конференции — и за всем этим я услышал не то, что она говорила, а то, что боялась сказать. Что план — это не мечта, а забор. Что она стоит за этим забором и смотрит поверх него, и ей интересно, что там, по ту сторону, но она не перелезает, потому что кто-то когда-то объяснил ей, что по ту сторону — только грязь и разочарование.

Я стою по ту сторону. Я и есть та самая грязь и разочарование в оранжевом комбинезоне.

Телефон вибрирует в кармане. Я вытаскиваю — незнакомый номер. Не беру. Потом — сообщение: «Это Рома, у нас репетиция в восемь, не забыл? Барабанщик новый, надо обкатать.»

Точно. Репетиция. Гитара. Нормальная жизнь, в которой я — Аксель, который работает на мойке и играет в группе, и катает на байке, и его эта жизнь вполне устраивает.

Устраивала — до вчерашней ночи.

Я набираю Роме «буду» и убираю телефон. Выхожу из подсобки. Солнце шпарит по бетону, Серёга дремлет на ведре, радио играет что-то невнятное. Обычный день.

Но я возвращаюсь к тому месту на площадке, где стоял «Поло», и смотрю на мокрый бетон, на котором ещё видны следы от шин, и думаю о том, что она стояла вот здесь. Прямо здесь. И что между нами было тридцать сантиметров, и я чувствовал тепло её тела, и она сказала «мне пока нормально с Алексеем», и от этого «Алексей» — от полного имени, произнесённого её голосом — у меня что-то дрогнуло в рёбрах. Потому что меня так никто не зовёт. Для всех я Аксель. Лёшка для мамы, когда она звонит раз в месяц и спрашивает, ем ли я нормально. Алексей — на документах, которые я не открываю. А она сказала «Алексей» так, будто это имя — настоящее, и всё остальное — маскировка.

И она права.

Всё остальное — маскировка.

Я подбираю забытую губку с пола, бросаю её в ведро и иду к следующей машине, которая уже заезжает на площадку. Серёга поднимается с ведра, потягивается, и мы работаем, и я больше не танцую, потому что музыка играет, а тело не отвечает. Тело думает о другом.

Репетиция вечером. Гитара в руках, знакомая тяжесть грифа, мозоли на подушечках пальцев. Рома, басист, барабанщик-новичок, тесный гараж с плохой акустикой и хорошим светом. Мы играем, и я играю хорошо, и Рома говорит «ты сегодня другой какой-то», и я говорю «выспался», и это ложь, и я не выспался, и я другой, потому что в моей голове живёт девушка, которая читает Плат ночью и краснеет от моего комбинезона днём.

Два образа, и оба — я.

После репетиции я сажусь на байк. Натягиваю шлем. Перчатки. Куртку. Становлюсь другим человеком.

И еду не домой, а к ларьку на углу Чернышевского и Пятой Парковой.

Просто за водой.

Глава 7. Лиза

Я не собиралась сюда приходить.

Это важно проговорить — хотя бы внутри собственной головы, — потому что иначе получается, что я сижу ночью на лавке под фонарём и жду незнакомого мотоциклиста, как героиня дешёвого романа, у которой нет ни гордости,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.